

ГАРРИ
КОННОЛЛИ

ДИТЯ ПЛАМЕНИ



NOVA
FICTION

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К64

Harry Connolly
CHILD OF FIRE

Published by permission of Author and his literary agents, Liza Dawson Associates (USA) via Igor Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается



Школа перевода *В. Баканова*

Дизайн переплета *Виктории Давлетбаевой*

Конноли, Гарри.

К64 Дитя пламени / Гарри Конноли ; [перевод с английского Татьяны Ситниковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 384 с. — (Нова Фикшн. Зарубежное городское фэнтези).

ISBN 978-5-17-191656-5

Рэймонд Лилли только что вышел из тюрьмы. Теперь он вынужден работать «помощником» у Аннализы Паулисс, магички, которая его откровенно ненавидит.

Их первое задание: небольшой городок Хаммер-Бэй, где что-то идет не так. Он кажется вымершим, детей почти нет, а вокруг эти странные куклы...

На службе у Общества двадцати дворцов Рэй и Аннализа обязаны ловить потусторонних существ — хищников. И цена ошибки в этот раз — гибель всего города.

Первое задание Рэя станет испытанием его совести и боевых навыков. А может, и его последним днем...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Copyright © 2009 by Harry Connolly
© Ситникова Т., перевод на русский язык, 2026
© MaryAnn Kuchera, фотография, 2026
© ООО «Издательство АСТ»,
оформление, 2026

ISBN 978-5-17-191656-5

Глава первая

Приятно было вновь оказаться за рулем, даже такого побитого жизнью драндулета, как «додж-спринтер». Даже с пассажиром.

Фургон ревел, как трактор, разгонялся до хоть сколько-нибудь приличной скорости целую минуту, а по управляемости едва превосходил коробку из-под холодильника. В общем, видал я тачки и получше, но в моем положении выбирать не приходилось.

Пассажиром была Аннализа Паулисс — тощая как спичка пигалица, забитая татухами по самую шею. Ее темно-рыжие волосы, цвета чернил, которыми мне ставили двойки в дневник, были подстрижены очень коротко, почти под ноль. Выглядело чудовищно, но ей, похоже, было совсем по барабану. Подозреваю, стриглась она сама.

Аннализа — мой босс, и ей запретили меня убивать, хотя именно этого ей и хотелось больше всего.

— Зачем мы здесь? — в четвертый раз спросил я.

Она не ответила. Она вообще все время молчала, лишь изредка указывая, куда поворачивать. Честно говоря, я ее не виню — имеет полное право меня ненавидеть.

Правда, сейчас мы были на задании, и Аннализа явно намерена кого-то прикончить. Возможно, жертв будет несколько. А еще предполагается, что я ей в этом должен помогать.

Так как она со мной не разговаривала, оставалось только догадываться, кто и зачем приказал ей сохранить



мне жизнь. Я просто крутил баранку, даже не зная, куда мы едем.

— Четверть бака, — сообщил я, приближаясь к заправке.

Терпеть не могу, когда горючего меньше половины, но пока что босс не давала залить больше. А я что? Как скажет, так и делаю: у нее деньги, власть, а главное — столько силы, что запросто мне башку оторвет. А значит, и решения за ней.

Аннализа бросила взгляд на деревяшку, которую крутила в руках, — обрубок без лака и краски, зато с какой-то непонятной цветной загогулиной с одной стороны — и ничего не сказала. Я подавил раздражение и проехал мимо бензоколонок.

Мы держали курс на запад по полуострову Олимпик. На дороге не было ни души, улицы блестели от моросящего дождя, а небо с приближением вечера темнело. После стольких лет, проведенных в Южной Калифорнии, я и забыл, как долго в этих краях тянутся сумерки.

Мы мчались по сельской двухполоске с ограничением в пятьдесят пять миль, которое я старался не превышать, потому что фургон с его лысеющей резиной, визжащими тормозами и грудой барахла в кузове не очень-то подходил для виражей на лесных дорогах.

И все же я наслаждался поездкой. У меня был ключ от двери, и я видел небо. Приятно снова почувствовать себя свободным.

Впереди, у самой обочины, рос здоровенный кедр. Аннализа не пристегнута, в отличие от меня. Стрелка спидометра дрожала на отметке пятьдесят миль в час. Достаточно резко крутануть руль — и моя пассажирка вылетит через лобовик вместе со своей деревяшкой и впечатается прямиком в кедр, а я останусь в целости и сохранности в объятиях ремня и подушки безопасности.



Я и пытаться не стал. Допустим, она со всей дури приложится мордой о ствол, и что? Да ничего! Самое большее — помнет свои шмотки из комиссионки. И разозлится. Она и не такое выдерживала, я сам видел.

Вообще-то, я был уверен, что Аннализа — не человек. Раньше была, наверное, но кто сейчас — фиг ее знает.

Навстречу, на восток, ехал универсал с примотанным к крыше багажом. Как только он поравнялся с нами, раскрашенная деревяшка в руке босса засверкала, как фотовспышка. Узор зашевелился, словно клубок змей.

Аннализа стремительно дернулась в мою сторону.

— Разворачивайся! — запищала она смешным голоском, который больше подошел бы мультяшной белке, чем взрослой женщине. — Разворачивайся за той машиной!

Я не медлил. Ударил по тормозам и вывернул руль, насколько хватало смелости, позволяя неуклюжему фургону пойти в занос. Сзади загрохотало — посыпалось барахло Аннализы. Мы замерли, а затем я дал заднюю.

— Гони! Быстрее, черт тебя побери!

— Спокуха!

Я съехал на обочину, выкрутил руль до упора и ударил по газам. Мы поплелись за универсалом.

— Твою мать, Рэй, — с неприкрытой ненавистью прошипела Аннализа прямо мне в ухо. — Упустишь — на клочки порву.

— Да? И кто же тогда тебе на педали будет нажимать? — огрызнулся я, но голос выдавал мой страх. Когда Аннализа угрожает порвать на клочки, она это и имеет в виду. Буквально. — Чего ты хочешь от этой старой развалюхи? Если не догоним, сама виновата — надо было нормальную тачку купить.

Она откинулась на сиденье, напряженно вглядываясь в пустую дорогу впереди.



Я заставил себя улыбнуться.

— Ну разве не замечательно? Наше первое совместное задание, а мы так хорошо ладим.

Дразнить босса было глупо и опасно, но я ее боялся и при этом совершенно не хотел показывать страх. Аннализа пропустила мои слова мимо ушей, за что я был ей втайне благодарен.

Мы прибавили ходу, закладывая виражи и преодолевая холмы, которые фургону давались с очень большим трудом. Близилась ночь, и лес вокруг наполнялся тенями. Я включил фары, но Аннализа тут же зарычала, чтобы вырубил.

Справа между деревьев мелькнул красный огонек. Я сбавил ход. Аннализа начала было возмущаться, но я шикнул, призывая умолкнуть. Ей это, разумеется, не понравилось.

Лес расступился, и мы выехали к гравийной парковке с заброшенными деревянными прилавками. Похоже, когда-то здесь был придорожный фермерский рынок. Универсал стоял в самом конце, с горящими красным стоп-сигналами.

Я припарковался в десятке ярдов от него и как можно скорее выскочил из фургона. Аннализа оказалась чуть проворнее. Она уже шагала к универсалу, держа деревяшку перед собой, словно счетчик Гейгера. Узор бешено извивался — что-то в машине или пассажирах заставляло его бесноваться.

Все двери универсала были распахнуты настежь. Мужчина и женщина, склонившись, копались на заднем сиденье. Я окинул взглядом их пожитки. Среди вещей, примотанных к крыше, был пылесос в прозрачном мусорном пакете, покрытом каплями дождя. Эти люди явно не в поход собрались — они бежали из города.

Мужик был с моей стороны машины, но все, что я видел, — это пару растоптанных штиблетов и бледную по-



лоску кожи над сползающими брюками. Офисный планктон. Он наверняка слышал, как мы подошли, но даже не обернулся. То ли чересчур поглощен делом, то ли напроочь лишен инстинкта самосохранения.

«Жертва», — подумал я по привычке, от которой невозможно было избавиться.

Нет, нет. Я отогнал эту мысль. С той жизнью покончено.

Судя по тому, что я видел сквозь окна машины, мадама также была шире, чем того требовали приличия, и тоже в обычном шмотье, которое люди носят на работу. Оба отчаянно возились с чем-то на заднем сиденье.

Я почувствовал, как мне на грудь, чуть ниже правой ключицы, что-то давит. Странно. Стараясь не обращать внимания, я спросил:

— Эй, помощь нужна?

Женщина вскинула голову, только сейчас нас заметив. На ее лице застыл ужас, но было ясно, что ни я, ни Анна-лиза тут ни при чем. Ее муженек оглянулся, высунувшись из салона. Очки его были заляпаны мелкой моросью.

— Нет, — быстро выпалил он. — Спасибо, не нужна. Давление на грудь усилилось.

Из машины выбрался их сынишка. Симпатичный мальчуган, лет восьми-девяти, хотя тут я не эксперт. Волосы на затылке торчат вихром, оба локтя в царапинах.

— Пап, что-то мне не очень, — сказал он. Прижал ладони к груди и надавил. — Внутри как-то... тяжело.

Вокруг его головы вспыхнуло пламя.

У меня перед глазами внезапно все поплыло, а на грудь перестало давить. Не раздумывая, я бросился к ним, на ходу срывая с себя куртку.

Тетка закричала. Огонь распространялся вниз от головы и уже дошел мальчику до пояса. В мгновение ока ребенок превратился в пылающий факел.



Отец лихорадочно нашаривал ветровку, брошенную на водительском сиденье. Я услышал шаги Аннализы позади.

— Ого! — воскликнул мальчик. — Папочка, мне не больно. Совсем не больно.

Отец кинулся на сына с ветровкой, сбил его на гравий и принялся тушить пламя. Я подоспел на полсекунды позже и накрыл своей курткой лицо и голову пацана.

Дождь вокруг горящего тела превращался в пар. Отец рядом со мной что-то прохрипел, как пес, придушенный резко натянувшимся поводком. Я старался не думать об этом, не замечать черных опалин там, где огонь касался земли. Не гадать, что произошло. Просто боролся с огнем: хлопал по нему, тушил, закрывал курткой.

Однако все без толку. Огонь взвился вверх, и моя куртка вспыхнула. Я отшвырнул ее и начал срывать с себя рубашку.

Мальчишка смеялся, будто его шекотали. А потом его кожа стала серебристо-серой, и голова просто отвалилась.

Пламя взревело. Меня отбросило волной жара. Отец упал на спину, едва не сбив с ног жену, которая обегала машину, спеша к нам.

Я перекатился и вскочил на ноги. Аннализа стояла рядом. Она расстегнула свою пожарную куртку, которую носила не снимая, — под ней виднелись разноцветные ленты, приколотые к одежде. Босс сорвала зеленую. Маленький сгигил, начертанный на конце, засиял серебром.

Я обернулся к семье. Голова, руки и грудная клетка мальчика распались на части, превратившись в месиво жирных извивающихся серебристо-серых червей. Затем лопнул живот, следом — бедра. Все случилось так быстро, что я не успел даже осознать увиденное. Черви корчились на утрамбованном гравии, пытаясь зарыть-



ся в землю. Они копошились, забираясь друг на друга, и ползли на запад. Все, чего они касались, становилось черным, покрываясь жирной копотью.

Горло сдавило — подступила тошнота.

Отец с трудом поднялся; жена пыталась обойти его, прорваться к ребенку. По лицу матери было ясно: она уже все поняла, знала, что сына больше нет, но стоять в стороне от его распадающегося тела для нее не проще, чем взмыть к облакам.

Я бросился к ним. Врезался плечом во внушительное мягкое пузо отца, а мать обхватил за талию. Что было силы оттолкнул обоих назад. На Аннализу я даже не оглянулся. А смысл? И так прекрасно знал, на что способны зеленые ленты. Случайные жертвы ее совершенно не волновали.

Родители попятились и повалились друг на друга, приземляясь на жесткий гравий. Я рухнул им на ноги.

Огонь позади меня загудел — это лента Аннализы достигла цели.

Я обернулся и увидел пламя, на сей раз зеленое; оно взметнулось над шевелящейся массой, которая была когда-то телом мальчика. Соприкасаясь с огнем, серые черви лопались.

Изумрудный огонь быстро распространялся. Я поджал ноги, чтобы меня не задело, но было поздно. Меня накрыло ярким светло-зеленым пламенем.

Я набрал полную грудь воздуха, чтобы пронзительно закричать — последний раз в жизни. Боже, как быстро все случилось! Я смотрел на свои ноги, ожидая, что они сейчас обуглятся до черных дымящихся костей. Однако этого не произошло. Ни боли, ни ран — ничего. Даже одежда не сгорела. Лишь легкое давление под ключицей — в том месте, до которого огонь и не добрался.



Пламя отступило. Я был цел, родители мальчика — тоже. Я вовремя оттолкнул их за пределы опасной зоны.

А вот черви... От червей осталась лишь серая слизь.

— Господи боже, — сдавленно выдохнула мать. Лицо ее осунулось, взгляд остекленел. Не оттолкни я ее — погибла бы вместе с сыном... Еще одна случайная жертва, простившаяся с жизнью только из-за того, что оказалась рядом с целью Аннализы.

Босс вытащила из-под куртки еще одну ленту — синюю. Я понятия не имел, как работают синие, но добра от них точно не жди.

Не успела она воспользоваться лентой, как сквозь меня прошла какая-то сила. Я почувствовал даже не физический толчок, скорее удар по разуму, сознанию — называйте как хотите. Как будто на меня, едва не сбив с ног, накатила мощная волна. В тот же миг я снова ощутил покалывание справа в груди.

Аннализа, поморщившись, отшатнулась, синяя лента выпала из рук. А вот родители не шелохнулись. Все эмоции стерлись с их лиц.

Ощущения прошли.

Парочка поднялась и стала отряхиваться.

— Необязательно было сбивать меня с ног, — буркнул мужик. — Я лишь хотел помочь.

— Что?

— Мы остановились, чтобы помочь... Ай, ладно, неважно. — Он похлопал по штанам, отряхивая пыль.

Жена вцепилась ему в рубашку и с тревогой посмотрела в мою сторону.

— Дуглас, поехали.

Они направились к машине, косясь на меня, как на бродячего пса, который вот-вот накинется и укусит. Казалось, что произошедшее с сыном их ни капли не расстроило. Они сели в машину, захлопнули дверцы, и Ду-



глас завел мотор. Жена потянулась к заднему сиденью, поправляя что-то у сидящего в детском кресле младенца, которого я до этого момента даже не замечал.

Дуглас включил музыку. Бобби Макферрин¹. Гравий захрустел под колесами, когда они тронулись, выезжая с парковки, — будто и останавливались только ради легкого перекуса и больше ничего их здесь не держало.

Аннализа пронеслась мимо меня и, пригнувшись, ударила плечом в переднюю часть машины, прямо над колесом, напрягла ноги. Крыло смялось, и тачку потащило боком, как тренировочный манекен для американского футбола, — к самому краю кювета.

Босс выпрямилась, поправила куртку; на ее миловидном личике застыла злобная гримаса. Разумеется, мне уже доводилось видеть ее силу. Она запросто могла перевернуть машину или выдрать дверцу с корнем и оторвать Дугласу его дурную башку. Полагаю, бедолага жив только потому, что у нее еще остались кое-какие вопросы.

Дуглас выскочил из машины оценить ущерб. Он посмотрел на искореженный металл, потом на Аннализу, огляделся по сторонам.

— Что такое... — начал он. И умолк, не в силах закончить фразу. Он провел рукой по смятому крылу, убеждаясь, что металл и правда погнут. Снова посмотрел на Аннализу. — Во что это я въехал?

— Я с вами еще не закончила, — отчеканила Аннализа и шагнула к нему.

Женушка тем временем прильнула к окну.

— Дуглас, вернись в машину, — попросила она, а затем потянулась на заднее сиденье проверить малыша. Тот спал.

¹ Бобби Макферрин (р. 1950) — американский джазовый певец; самая известная его песня — Don't worry, be happy («Не беспокойся, будь счастлив!»). (Здесь и далее прим. пер.)



Звения ключами, Дуглас попытался к водительской дверце. У меня и самого руки тряслись. Я чувствовал, как подступает истерика. Пацан звал этого мужика папой, а тот собирается укатить как ни в чем не бывало, словно притормозил просто отлить? Они отмахнулись от ребенка, как от сбитой зверушки на обочине. Я знал этого мальчишку не дольше двух минут — но от подобного зрелища мне хотелось рыдать и блевать одновременно.

Однако я не поддался ни слезам, ни тошноте. Только разозлился.

— Вы что, вот так возьмете и уедете?

Глаза женщины округлились.

— Дуглас...

— А как же ваш ребенок? — Я двинулся на них, полный решимости выбить хоть толику скорби. Этот гнев был мне нужен, чтобы самому не развалиться на части здесь и сейчас. — Он называл вас папой и мамой! Неужели вам плевать, что с ним стало?

Чтобы сесть в машину, Дугласу пришлось бы повернуться ко мне спиной, но ему не хотелось так рисковать.

— Послушайте, — произнес он, — я понятия не имею, о чем вы.

— Он звал тебя папочкой! И он только что... Твой собственный сын!

Меня переполняла злость. Мне нужно было увидеть хоть какую-то реакцию, хоть крупичу сожаления — даже если придется тянуть их клещами.

— О чем вы говорите? — возмутился мужик. — Мой сын меня никак не звал! Ему всего три месяца!

— Рэй, — окликнула Аннализа.

Но я не обращал на нее внимания и, ошарашенный, в ужасе смотрел на Дугласа.



— Тебе совсем плевать, да? — Не осталось уже ни злости, ни обвинений. Меня на всех парах несло к чему-то страшному, чудовищному, и я не знал, как затормозить.

Будь я таким сильным, как Аннализа, шкуру бы с него спустил. Будь у меня ее арсенал заклинаний, сжег бы его заживо.

— Рэй.

Я повернулся к Аннализе. Ее писклявый голосок звучал сдавленно. Даже ее проняла смерть мальчишки.

— Остынь, — сказала босс. — Они не помнят. Что-то стерло им память.

До меня дошло только через пару секунд. Та волна! Волна, которую я почувствовал, когда пацан развалился на части, должно быть, накрыла их тоже. И уничтожила воспоминания.

Почему тогда помню я?..

Дуглас подался назад, протянув руку к жене. Я услышал шлепок твердого металла по ладони, и мужчина кинулся на меня.

Я отвлекся и потерял равновесие; будь он чуть быстрее — мне конец. Но быстрым он не был: заплывший жирком офисный планктон. Жертва. Я инстинктивно вскинул руку, прикрывая голову, и он со всего маху опустил монтировку мне на покрытое наколками предплечье.

Больно не было, да я вообще почти ничего не почувствовал. Аннализа — не единственная с татухами. Мои, как и ее, были пронизаны магией. Ее рисунки покрывали все тело, мои же — лишь несколько участков, включая кисти и внешнюю сторону предплечий.

Дуглас решил, что нанес победный удар. Он ухмыльнулся, ожидая, что я скорчусь от боли и схвачусь за руку. Вместо этого я вырвал у него монтировку, а самого припечатал к машине.



Подошла Аннализа.

— Кошелек, — бросила она.

Он едва удостоил ее взглядом. Аннализа представляла куда большую опасность, чем я, но все его внимание было приковано к здоровенному мужику в наколках, а не к мелкой девице. Ей пришлось повторить.

— Дуглас! — подала голос жена. — Ради бога, отдай ей кошелек!

Он достал бумажник, и Аннализа забрала его.

— Дуглас Бэнкс, — прочитала она. — Эйкорт-роуд, сто сорок четыре, Хаммер-Бэй, штат Вашингтон.

— Мы там больше не живем. — В голосе Дугласа проступала паника. — Мы уезжаем.

— Почему? — Я встряхнул его.

Он несколько раз открыл и закрыл рот, но с ответом так и не нашелся.

— Это он тоже забыл, — констатировала Аннализа. Она выудила из кошелька карточку — белую, с магнитной полосой. — «Игрушки Хаммер-Бэй», — прочитала она. — Ты там работаешь?

— Да, — подтвердил Дуглас.

— Но возвращаться не планируешь?

— Не планирую.

— И пропуск не вернул?

— Я... я забыл. — У него на губе выступили капельки пота. Дуглас переводил взгляд то на меня, то на Аннализу, лихорадочно соображая, как бы отбрехаться, чтобы мы отстали и дали ему уехать. Он принимал нас за психов и, как мне казалось в эту минуту, был не так уж далек от истины.

— Хм-м-м, — протянула Аннализа, будто ответ ее не устроил.

Повисла тишина. Дуглас не выдержал и поспешил ее заполнить:



— Послушайте, я не знаю, что вам нужно, но уверен, мы обязательно найдем компромисс. Правда? Это просто какое-то недоразумение.

Аннализа, казалось, задумалась.

— Может, ты и прав, Дуглас.

Я гадал, не прикончит ли она их обоих прямо сейчас.

Дуглас чуть осмелел.

— Ну конечно, конечно, я понимаю. Мы просто немного запутались. Мы все. Малыш не звал меня папой, так ведь, Мэг? Он еще слишком маленький. Мы с Мэг всегда хотели сына, но заветное желание сбылось лишь этой зимой. Видите? Вы просто что-то путаете.

— Путаем. Но не мы, — отрезала Аннализа. — Потому что у тебя в машине детское кресло.

Мы все заглянули на заднее сиденье. Рядом с креслом для младенца к сиденью было пристегнуто еще одно. Совсем маленькое. Мальчишка, который только что... Я был еще не готов подступить к этой мысли, но он был слишком крупный для такого кресла. Неужели они потеряли больше одного ребенка? И об этом тоже забыли?

Дуглас и Мэг переглянулись в поисках объяснения. Тишина. Мужик повернулся к нам.

— Мы возьмем кресло моей сестре? — Он будто пытался угадать правильный ответ.

— На нем следы гари, — заметил я. Такие же были на земле — там, где их сын...

Бэнксы не знали, что на это сказать. Недоумение на их лицах просто завораживало. Да они и правда под действием заклинания! Мой гнев возвращался, только теперь был направлен уже не на них. Этим мне стало даже жалко.